

Анатолий Васильевич Адо
К ИСТОРИИ БОРЬБЫ за ПРОВЕДЕНИЕ в ЖИЗНЬ
АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЯКОБИНЦЕВ

Французский ежегодник 1967
М.: Наука. 1969. С.60-85

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения, 2012
Тематически связанные материалы даны нами посте статьи.

торого июня 1793 г. в результате восстания парижских санкюлотов из Конвента были изгнаны вожди Жиронды, а уже на следующий день, 3 июня, на первом же заседании Конвента в его новом составе, были поставлены сразу три вопроса, относившиеся к аграрным делам,— о продаже эмигрантских имуществ, разделе общинных земель и сожжении феодальных документов¹. В высшей степени характерна поспешность Конвента — в данном случае проявилась одна из закономерностей революции, отражавшая выдающуюся роль крестьянской массы в этом процессе: начиная с лета 1789 г. каждая партия, бравшая в свои руки власть и руководство революцией, прежде всего была озабочена тем, чтобы закрепить за собой поддержку крестьян (4—11 августа 1789 г., 14—28 августа 1792 г., 3 июня — 17 июля 1793 г.).

Серия аграрных законов, одобренных один за другим якобинским Конвентом в течение июня — сентября 1793 г., была наивысшим достижением Великой Французской революции в решении аграрно-крестьянской проблемы (поскольку речь идет о законах, реально проведенных в жизнь), именно они в наибольшей мере обеспечили достижение того результата, который получил высокую оценку в известной работе В. И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»: «Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные, экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, *переродив, обновив ее хозяйственную основу*².

Среди этих законов два отличались наибольшей последовательностью в решении поставленных классовой борьбой в деревне задач, в наибольшей мере шли навстречу настойчивым требованиям крестьянских масс — принятый 10—11 июня 1793 г. закон относительно раздела общинных земель и знаменитый декрет 17 июля того же года о полной безвозмездной отмене феодальных повинностей и сожжении феодальных документов, «титулов». Оба эти законодательных акта остаются уникальными по

¹ Archives parlementaires, t. 66, p. 4.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 195.

своему бессграшию актами французской революционной истории (особенно декрет 17 июля); они давно и справедливо восславлены в демократической публицистике и литературе и не раз привлекали пристальное внимание исследователей.

К настоящему времени изучена более или менее удовлетворительно их *предыстория*, основные направления классовой борьбы, увенчанием которых явилось летнее законодательство 1793 г. Но до сих пор остается почти не изученной история *реального проведения в жизнь* этих двух важнейших законов, того, насколько полно, в точном соответствии с их духом и буквой, они были исполнены, какая в связи с этим развертывалась борьба, каков был ее конечный результат. Исследование этих вопросов должно не только прояснить многие малоизвестные проблемы крестьянских движений во Франции со второй половины 1793 г. и в следующие годы, но и точнее определить общие аграрные итоги Великой Французской революции, в оценке которых далеко еще нет полной ясности и достаточно установившегося в литературе общего мнения. Убедительное решение отмеченных вопросов требует длительных и кропотливых архивных поисков и непременного создания серии локальных монографий, так как некоторые аспекты проблемы могут быть освещены лишь на основе местных материалов (административных, судебных, нотариальных). В настоящем сообщении мы хотим лишь привлечь внимание к этим проблемам (в хронологических рамках якобинской диктатуры) и высказать некоторые предварительные соображения, поскольку это позволяют накопленные в специальной литературе сведения и проведенный нами зондаж документов Законодательного комитета и отчасти Комитета сельского хозяйства Конвента, хранящихся в Национальном архиве.

Прежде всего — о самом знаменитом якобинском аграрном декрете, окончательно принятом 17 июля 1793 г. Содержание его хорошо известно; это был радикальный буржуазно-демократический закон; он завершил конституирование буржуазной поземельной собственности, уничтожив последние остатки чисто феодальных поземельных связей, продолжавших существовать в буржуазно-правовой юридической форме, приданной им законодательством Учредительного собрания. Именно этот закон окончательно сделал крестьян свободными собственниками своих земель (поскольку они этой землей обладали), завершил правовое оформление крестьянской парцеллы. Было бы очень важно выяснить, когда он стал известен в деревнях, когда и каким образом стал применяться местными властями, вошел в судебную практику.

Очевидно, что во многих деревнях о законе 17 июля хорошо знали уже к концу лета — началу осени 1793 г. и тогда же начали его применять; крестьяне окончательно прекращали платежи, муниципалитеты собирали и готовили к сожжению феодальные документы³; установленный законом трехмесячный срок не мог быть соблюден, но сожжение документов продолжалось в сентябре, октябре, стало особенно многочисленным в ноябре 1793 г.⁴ Оно совершалось в торжественной обстановке, в присутствии коммунальных властей, при большом стечении народа и, конечно, вызывало широкий резонанс в деревнях.

³ В департаменте Эндр-и-Луара уже 10 августа 1793 г. торжественное сожжение переданных в муниципалитеты феодальных титулов состоялось во всех коммунах; 17 ноября большой костер был устроен в Туре (J. X. Caggé de Bussérolles. *Souvenirs de la Révolution dans le département d'Indre-et-Loire*. Tours, 1864, p. 196—202).

⁴ «Для того чтобы точно установить, в какой мере были уничтожены феодальные документы,— отмечает А. Собуль,— необходимо широкое обследование муниципальных архивов и работ по локальной истории». Собуль указал ряд таких местных работ, но приведенный им список не является исчерпывающим и может быть еще дополнен (A. Souboul. *Paysans, Sans-Culottes et Jacobins*. Paris, 1966, p. 38—42).

Вместе с титулами сжигали другие феодальные символы, грамоты дворянского достоинства⁵ и т. п. В городе Ажан (департамент Ло-и-Гаронна) во время гражданского праздника 25 сентября 1793 г. вместе с сеньорильными бумагами и портретами королей на городской площади сожгли заодно протоколы директории департамента и протоколы народного общества, относящиеся ко времени федералистского мятежа⁶. Нередко огонь разводили у подножия «дерева свободы», украшенного патриотическими эмблемами. Сохранились многочисленные протоколы таких церемоний. В коммуне Сальвяк (департамент Ло) бумаги сожгли возле «дерева свободы», на котором укрепили надпись: «На этом месте 1 ноября второго года Французской республики, единой и неделимой, народ освободился от рент и всех феодальных повинностей, предав огню узурпаторские и тиранические акты бывших сеньоров»⁷. 30 брюмера II года (20 ноября 1793 г.) та же участь постигла феодальные титулы в городке Конфолан (департамент Шаранта). «Все эти гнусные атрибуты,— повествует протокол муниципалитета,— напоминающие не только узурпированные права, но и деспотические отличия, слишком долго служившие причиной наших несчастий, были доставлены на площадь коммуны и свалены возле чучела, ...облаченного в костюм, который бесстыдно носили бывшие сеньоры; украшенный белой кокардой, он напоминает нам о злодеях, опустошающих Францию и являющихся причиной наших нынешних бед»; кoster запыпал, народ запел Марсельезу, зазвучали крики «Да здравствует республика!», «Да здравствует Гора!», «национальная гвардия дала залп по этому отвратительному символу», и «этот акт искупления продолжался в течение двух часов»⁸.

Содержание этого и многих ему подобных протоколов, несомненно, отражало умонастроение в крестьянской среде, чувство победы, торжества над давним врагом. Сожжение титулов отвечало заветным желаниям крестьян, казалось верной гарантией освобождения. «Граждане представители,— писало 5 вантоза II года (23 февраля 1794 г.) народное общество коммуны Шамбон (департамент Луаре),— вы полностью сокрушили здание феодализма, приказав вашим июльским декретом, чтобы все феодальные титулы были сожжены. Этот декрет наполнил радостью сердца деревенских жителей, так как он уничтожил бремя, которое бесконечно отягощало нашу собственность»⁹. Конечно, патетические выпады официальных протоколов против бывших сеньоров и «чудовища феодализма» были в известной мере данью официальной фразеологии времени; но сам факт, что именно эта манера выражения стала признаком благонамеренности и цивизма, достаточно ярко показывает, как стоял этот вопрос непосредственно после принятия закона 17 июля.

И все-таки, как верно заметил советский исследователь Е. Н. Петров, «издание декрета 17 июля отнюдь не завершило борьбу за окончательное уничтожение феодализма. Эта борьба, потребовавшая больших усилий, еще не освещена в историографии Французской революции»¹⁰. С 1940 г., когда были написаны эти строки, ее изучение очень мало прод-

⁵ З фримера II года (23 ноября 1793 г.) в городе Анноэ (департамент Ардеш) сожгли на площади феодальные титулы, привезенные на шести парковых повозках, а вместе с ними дворянские грамоты, в частности, «грамоты четырех дворян, которые сами пожелали, чтобы их дворянские бумаги были сожжены в этот достопамятный день, дабы всем стало известно их отречение навсегда от дворянского достоинства». См. L'abbé F i l h o l. *Histoire religieuse et civile d'Annonay et du Haut-Vivarais*, t. 3. Annonay, 1881, p. 105—106 (из протокола муниципалитета).

⁶ Inventaire sommaire des archives départementales postérieures à 1789. Lot-et-Garonne, t. I. Agen, 1908, p. 111.

⁷ «La Révolution à Salviac». — «Bulletin de la Société du Lot», 1934, t. 55, p. 161—162.

⁸ «Bulletin de la Société de la Charente», 4-e sér., t. III, 1865, p. 407—409.

⁹ Archives Nationales (далее — АН), D. III. 129, Dossier 22.

¹⁰ «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.», под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.—Л., 1941, стр. 392.

винулось вперед, и это вынуждает нас ограничиться некоторыми общими наблюдениями.

Что касается борьбы крестьян за полное уничтожение феодальных прав, она уже не принимала теперь таких массовых и насильтственных форм, как в 1789—1792 гг. Отныне крестьяне имели на своей стороне закон, а во II году республики — и центральную власть; «всякий сеньориальный титул и сеньориальное притязание» превратились теперь «из права, хотя и плохо защищаемого законом, в преступление, караемое по всей строгости революционного закона»¹¹. Поэтому сельское восстание против сеньориального гнета окончательно сошло с повестки дня; эпизодические походы против замков и феодальных титулов можно отметить весной и даже летом 1793 г., но в дальнейшем они прекратились.

Крестьяне добивались теперь строгого проведения в жизнь декрета 17 июля. В частности, они упорно настаивали на сожжении феодальных документов. Там, где оно по тем или иным причинам задерживалось, крестьяне жаловались, хлопотали, требовали уничтожения бумаг. В материалах Законодательного комитета есть несколько характерных петиций. «У нас нет и вершка земли,— писала коммуна Паван (департамент Эна),— который бы не был обременен цензом, сверхцензом, повинностями в виде кур, капунов, вина и другими сеньориальными правами, и все это записано в феодальных описях (*terriers*) и в декларациях, которые были навязаны нашим отцам, ...и еще мы, батраки и виноградари, обрабатывающие землю с утра и до вечера, были обязаны двумя днями барщиной в год». Жители коммуны еще не смогли заполучить и сжечь титулы, но они развили бурную деятельность — послали несколько петиций в дистрикт, отправили депутацию к командированному в департамент депутату Конвенга (им был известный монтаньяр Изоре, один из инициаторов закона 17 июля), наконец, написали в Конвент¹². Муниципалитет Вальборнь-дю-Гар (департамент Гар), жалуясь на то, что не все титулы сожжены, прислал еще более настоятельное требование: «Вы уничтожили феодализм вилоть до его внешних знаков. Но надо окончательно вымести малейшие остатки этой тирании, чтобы не осталось ее следов, а для этого необходим новый декрет». Авторы петиции позаботились приложить и проект декрета — в течение восьми дней собрать и сжечь все уцелевшие титулы, а в течение следующих восьми дней провести проверку бумаг и обыски у всех частных лиц; «те, у кого будут найдены феодальные титулы, будут присуждены к пятилетнему заключению в оковах»¹³.

Кроме того, начиная применять закон, крестьяне обыкновенно старались дать ему очень расширительное толкование. Вопрос о том, как применяли и толковали закон в деревнях, заслуживает специальных исследований на местном материале. Проделавший эту работу применительно к Франш-Конте Ж. Мийо приводит интересные донесения чиновников Управления регистрации и доменов¹⁴ в департаменте Юра (сентябрь 1793 г.). Ссылаясь на закон, крестьяне говорят об «уничтожении без вознаграждения всех повинностей, не делая различия между феодальными и нефеодальными»; злонамеренные лица заявляют в деревнях: «Вы не должны ничего платить, сборщики Управления являются аристокра-

¹¹ «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.», стр. 390.

¹² См. AN. D. III. 6. Dossier 32. Петиция от 3 жерминаля II года (23 марта 1794 г.).

¹³ AN.D. III. 86. См. также петицию коммуны Сен-Мартен-де-Шан (департамент Ионна) от 23 августа 1793 г.; коммуна до сих пор не получила «важного и утешительного» декрета 17 июля 1793 г., о котором слышала от своего кюре, ни один феодальный титул не был сожжен 10 августа в дистрикте Сен-Фаржо, жители встревожены и спешат принести жалобу Конвенту (AN.D. III. 307, см. также: Ch. Rogé e. Sources manuscrites de l'histoire de la Révolution dans l'Yonne, t. I. Auxerre, 1918, p. 200—201).

¹⁴ Речь идет о созданном в 1791 г. Управлении регистрации и доменов (*Régie de l'enregistrement*), которое ведало, в частности, взысканием феодальных повинностей, перешедших в руки «нации», т. е. буржуазного государства.

тами, они хотели бы возродить старый режим», крестьяне «не должны больше вносить никаких платежей, каковы бы они ни были, их земли теперь так же свободны, как и их личность»¹⁵.

Но наряду с этим стремлением крестьян добиться точного исполнения закона и даже истолковать его в расширительном духе сразу же обнаружилось диаметрально противоположное стремление очень влиятельных в местной администрации (отчасти и в центре) кругов затормозить и прямо сорвать проведение в жизнь закона о полной отмене феодальных повинностей. Какие же социальные силы действовали в этом направлении? Кто противодействовал прямо или косвенно буквальному исполнению якобинского декрета? Ответ на эти вопросы определяется прежде всего тем, чьи материальные интересы он задевал, кто оказывался в числе жертв совершенной им экспроприации части поземельных доходов. В нашей литературе высказывалось мнение, что это были лишь бывшие дворяне, сеньоры. «Принятые в июне-июле аграрные законы,— писали В. С. Алексеев-Попов и Ю. Баскин,— означали применение насилия (безвозмездная отмена всех феодальных повинностей) лишь по отношению к старому господствующему классу, и притом в интересах всех групп крестьянства, кроме бедных...»¹⁶.

В действительности вопрос значительно сложнее, и косвенным свидетельством этого является стойкая неприязнь к закону 17 июля не только деятелей буржуазной контрреволюции послетермидорского времени¹⁷, но и буржуазных историков даже либерального толка¹⁸. Вот несколько характерных отрывков. В 1877 г. автор журнальной статьи Ломени прямо обвинял Конвент в том, что он «допустил одно из серьезнейших посягательств на принцип собственности, так как удар, которым он поразил поземельные ренты, названные феодальными, открыл дорогу теоретикам, нападающим ныне на ренту во всех ее формах»¹⁹. Не менее сурово отнесся к декрету не только известный консервативными взглядами М. Марион²⁰, но и умеренно-либеральный Ф. Саньяк: «Несправедливость была вопиющая ... Это было самое несправедливое ограбление за все время революции»²¹. В другом месте он пишет: «Конвент сокрушает законные интересы и уничтожает настоящие поземельные ренты, подобные тем, которые были сохранены и укреплены всеми революционными собраниями, Консультством и любым режимом нового времени»²². Наконец, автор пос-

¹⁵ J. Millot. *L'abolition des droits seigneuriaux dans le département du Doubs et la région comtoise*. Besançon, 1941, p. 213.

¹⁶ «Из истории якобинской диктатуры». Одесса, 1962, стр. 140—141.

¹⁷ Член Трибунала и докладчик одной из его комиссий, Дюшен, заявлял 23 января VIII года: «Все мы с ужасом вспоминаем гибельную пору, последовавшую за великими днями 31 мая, 1 и 2 июня 1793 г. Понятия справедливости и несправедливости были спутаны в грабительских законах (*des lois spoliatrices*) и ваша Комиссия не боится отнести к их числу закон 17 июля 1793 г.» (A. Aulard. *La Révolution française et le régime féodal*. Paris, 1919, p. 252—253).

¹⁸ В нашей литературе не обращено должного внимания на резко отрицательную оценку декрета 17 июля в буржуазной литературе; оно было отмечено лишь в статье М. Рейхеля «Гражданское законодательство Французской буржуазной революции 1789—1794 гг.» («Ученые труды Всесоюзн. заочн. ин-та юридич. наук», выпуск II, 1940, стр. 53—54).

¹⁹ L. de Loménie. *Les droits féodaux et la Révolution*. — «Le Correspondant», 10 février 1877, p. 533—534.

²⁰ Конвент «нанес серьезнейшие удары даже чисто поземельной собственности, поразил интересы, которые всякий законодатель должен был бы стараться укрепить. И эта ошибка, которую не может смягчить предлог полного освобождения земли» (M. Maginon. *La dîme ecclésiastique en France au XVIII siècle et sa suppression*. Paris, 1912, p. 361).

²¹ Ф. Саньяк. Гражданское законодательство Французской революции, стр. 128—129.

²² Ph. Sagac et P. Caron. *Les Comités des droits féodaux et de législation. Documents...* Paris, 1907, p. XVII.

ледней сводной работы об аграрном законодательстве революции пишет: «Я готов согласиться с этим приговором (осуждением закона 17 июля. — A. A.), но я не откажу, со своей стороны, революционному законодателю в праве на смягчающие обстоятельства, так как нельзя терять из вида драматические условия, в которых был вотирован закон 17 июля»²³. Но признание смягчающих обстоятельств не есть реабилитация, и в глазах новейшего историка Конвент все-таки остается виновным.

Эта стойкая неприязнь буржуазных авторов к знаменитому закону 17 июля в высшей степени знаменательна, и причина ее состоит в том, что, отменив безвозмездно все феодальные ренты, включая те, которые были созданы в результате действительной передачи земли, Конвент грубо посягнул на буржуазно-собственническое правосознание вообще, на материальные интересы широкого слоя старой буржуазии, связанной с землевладением, в частности.

Суть дела в следующем. Статья 1 закона 17 июля гласила: «Все бывшие сеньориальные платежи, цензуальные и феодальные повинности, как постоянные, так и случайные, даже сохраненные декретом 25 августа, отменяются без вознаграждения». Статья 2 исключала «из действия предыдущей статьи чисто поземельные ренты и платежи, не имеющие феодального характера». Таким образом, уничтожались безвозмездно ренты и платежи феодальные, сохранялись и подлежали выкупу ренты, «не имеющие феодального характера». Но как различить в пестрой массе различных рент и платежей, обременявших французскую землю, ренты «феодальные» и ренты «чисто поземельные», какой критерий должен быть применен в этом случае? Вопрос имел кардинальное значение и самым непосредственным образом затрагивал интересы множества владельцев рент из числа не только бывших сеньоров, но и простых буржуа.

Вплоть до конца «старого порядка» большое распространение (особенно в центре и на юге, но также и в других районах) имела практика передачи недвижимости в вечно-наследственное владение или аренду за годовую ренту, достаточно высокую и отвечавшую экономической конъюнктуре того времени; это был либо годовой денежный и натуральный взнос, чаще — доля урожая — 1/4, 1/3, даже 1/2 и т. д. Множество буржуаземлевладельцев прибегали именно к этому архаичному способу эксплуатации своих земельных владений. При этом в условиях, когда сеньориальные связи пронизывали всю систему поземельных отношений, когда обладание цензом (речь идет о названии основного сеньориального платежа — *cens*) само по себе давало некоторый социальный престиж, множество частных лиц, буржуа, не только не дворян, но и не сеньоров, при заключении такого рода договоров о передаче недвижимости, добавляли к основной сумме ренты ничтожный по размеру символический ценз, обычно сопровождавшийся случайными повинностями (*lods et ventes*). Такие договоры заключались еще в первые один-два года революции. Пространная петиция судьи дистрикта Кюссе (департамент Сона-и-Луара) от 3 фримера II года (23 ноября 1793 г.) дает яркий пример такого типа вечної или очень долгосрочной аренды. 60—80 лет назад его отцом были куплены большие земельные владения; в то время земли в этой части Бургундии не имели большой ценности «и каждый искал способ извлечь из них доход. Для этого мой отец сдал в вечную аренду (*à bail éternel*) строения, большие имения и некоторое количество лугов за годовую ренту в 50 ливров (несомненно, с арпана. — A. A.) с добавлением ценза, случайных повинностей и права изъятия в случае неуплаты (*cens, lod, vente et retenue*) ... Было также оговорено, что съемщик не может отчуждать свой участок без согласия арендодателя, и, кроме того, в случае,

²³ M. G a r a u d. La Révolution et la propriété foncière. Paris, 1959, p. 388.

если съемщик не имел скота, он обязан был арендовать его у арендодателя...» Независимо от всего этого, съемщики обязаны были платить с этих земель сорок су ценза в пользу бывшего сеньора; «многие другие собственники, которые никогда не обладали никаким фьефом, сдали свои земли подобным же образом» (такие договоры часто в Бургундии заключались на 100 лет) ²⁴.

Естественно, что сразу же после принятия декрета 17 июля встал вопрос, как быть с этими и им подобными рентами? Ведь собственники их были не сеньорами, а простыми буржуа, они не имели фьефов, они получали ренты за то, что действительно отдали свои земли, которые, к тому же, часто находились в зависимости от сеньоров; надо ли считать их феодальными или признать поземельными, должны они сохраниться или подлежать отмене? Ответ на этот немаловажный вопрос определяется тем, какой критерий будет избран революционным законодателем при проведении грани между сеньориальными, феодальными (т. е. подлежащими отмене) и поземельными (т. е. сохраненными) рентами. Текст самого декрета 17 июля не давал ясного ответа и открывал возможность для сомнений и разных толкований, которые не замедлили последовать. Между тем требовался ясный и категорический ответ.

Понятно, что якобинские законодатели не располагали научным экономическим критерием для определения того, что следует отнести к сфере «феодального»; они должны были исходить из правовых представлений своего времени. А эти воззрения явно клонились к тому, что данная категория рент является именно поземельной. С точки зрения формально-юридической — и в XVIII в. (в области обычного права), и после революции, вплоть до наших дней — эти ренты рассматривались как результат обычного частноправового договора, не имеющего ничего феодального. В крайнем случае под это последнее определение можно было подвести добавленные к основному платежу символический ценз или случайную повинность. И замечательной революционной смелостью Конвента явилось то, что он резко разорвал с этой юридической традицией; 29 флореяля II года (18 мая 1794 г.) он окончательно истолковал закон 17 июля таким образом, что «всякая повинность или рента, запятнанная при своем установлении малейшим признаком феодализма (*de la plus légère marque de féodalité*) отменена без вознаграждения, каково бы ни было ее наименование» ²⁵.

Таким образом якобинский Конвент отказался вникать в юридические тонкости, он разом отменил все — и самую ренту, и добавления к ней. Простое употребление феодальных терминов и понятий в тексте договора автоматически уничтожало весь договор; больше того, по точному смыслу декрета 17 июля он уничтожался не только юридически, но и физически, т. е. подлежал сожжению. Но тем самым Конвент, во-первых, грубо задел интересы целого слоя старой, дореволюционной буржуазии, подверг ее по крайней мере частичной экспроприации (не говоря уже о буржуа, купивших сеньории или отдельные феодальные повинности), а во-вторых, он решительно шагнул за пределы прочно установившегося ко времени революции и не изменившегося с той поры буржуазно-собственнического правосознания, беззаконно посягнул, с точки зрения этого сознания, на священное право частной собственности. Впоследствии именно этого никак не могли простить Конвенту поколения буржуазных историков и правоведов.

²⁴ AN.D.III. 224. Dossier 15.

²⁵ «Recueil des textes législatifs et administratifs concernant la suppression des droits féodaux». — «Bulletin d'histoire économique de la Révolution». Paris, 1924. N 174, p. 214—215.

Немедленно в Конвент начали поступать петиции протesta и запросы. Буржуа, владевшие рентами, негодовали, изумлялись, требовали защиты своих интересов. Приведем несколько отрывков, которые конкретно показывают, о каких именно экономических интересах идет речь. «Собственники бывшей провинции Бургундия имели обыкновение и право отчуждать земельные имущества за уплату повинностей, включающих случайные права и род ценза в тех случаях, когда эти земли не были обременены цензом в пользу их бывших сеньоров... И сегодня эти частные лица, которые сами никогда не были сеньорами, не могут поверить, что они подпадают под действие закона...» (т. е. закона 17 июля 1793 г.)²⁶. Другая петиция из того же района Бургундии говорит об аналогичной системе, но в несколько ином варианте: «В бывшей провинции Бургундия частные лица не сеньоры имели обыкновение..., отчуждая свои земельные владения, оговаривать уплату себе рент и ценза со случайными повинностями, даже когда эти земли были уже обложены рентами в пользу бывших сеньоров... Эти частные лица не сеньоры не могут считать свои ренты феодальными, ведь они не имеют ни фьефов, ни сеньорий... эти ренты... являются результатом уступки земли..., не вытекают из прав фьефа или сеньории...»²⁷.

Сходная проблема волновала и «собственников-санкюлотов» Бурбон-э — они сдали свои земли (обремененные цензом в пользу бывших сеньоров) в вечную аренду «различным частным лицам, которые обязались засадить их виноградниками, под условием ежегодной уплаты половины, трети или четверти урожая, а также пяти су ценза»; до сих пор они считали, что закон «никоим образом не затрагивает договоры об уступке земли», совершенной на этих условиях. Однако «наши земледельцы думают иначе. Вопрос этот обсуждался в народном обществе и был решен не в пользу собственников... Близится урожай, и земледельцы, опираясь на свое собственное мнение, начали уже отказываться вносить часть платежей, записанных в их договорах». И вот эти «собственники-санкюлоты» спрашивают: «Влечет ли включение в договор слов «пять су ценза» отмену платежа в четверть, треть, пятую часть урожая... или же они должны лишиться только годового ценза в пять су...?»²⁸. Во всех этих случаях закон 17 июля в той интерпретации, которую дал ему якобинский Конвент, был на стороне крестьянина-земледельца и «собственники-санкюлоты» дистрикта Кюссе должны были лишиться всех своих рент.

Больше того, точное применение закона 17 июля могло привести к отмене рент и срочных держателей. В некоторых винодельческих местностях многие договоры передавали землю на 25, 29, 99 лет, причем основная рента из доли продукта сопровождалась небольшим цензом²⁹. 28 сентября 1794 г. администрация Луанского дистрикта (департамент Сона-и-Луара) спрашивала, как быть с этими арендами. Ответ Комитета

²⁶ AN.D.III.224. Dossier 15. Письмо прокурора-синдика дистрикта Бельвю-ле-Бэн департамента Сона-и-Луара, 2 фримера II года (22 ноября 1793 г.).

²⁷ AN.D.III.226. Dossier 225. Петиция муниципалитета коммуны Грюри, дистрикт Бельвю-ле-Бэн, департамент Сона-и-Луара, 24 фримера II года (14 декабря 1793 г.).

²⁸ AN.D.III.8. Петиция 12 «собственников-санкюлотов» дистрикта Кюссе (департамент Алье), пересланная в комитет 23 фрюкидора (9 сентября 1794 г.). Пометка Комитета: «Ответить согласно законам 17 июля и 2 октября 1793 г.»

²⁹ Петиция, присланная управляемющим одного из землевладельцев департамента Алье, приводит пример таких договоров (*les baux à culture*) на 25 и 29 лет (заключенных в 1771 г.). Съемщик обязан: 1) тщательно возделывать виноградники; 2) отдавать половину собранного урожая и третью часть продуктов виноделия; 3) за каждый участок виноградника отдавать курицу или двух пысят, в зависимости от договора, причем некоторые из них содержат наименование ценз; 4) съемщик не может передать взятую землю другому виноградарю; 5) по истечении срока он обязан вернуть виноградник в хорошем состоянии (AN.D.III.8).

7 вандемьера III года (28 октября 1794 г.) не оставлял сомнений — держатели будут пользоваться своими участками, ничего не платя в течение всего срока аренды³⁰. Все сказанное делает понятным, почему буквально в первые же недели после принятия декрета 17 июля начали предприниматься попытки смягчить суворость нанесенного Конвентом удара; эти попытки не оставлялись даже в самый разгар террора, и они шли в основном в двух направлениях.

Во-первых, пытались добиться законодательного смягчения или ограничительного истолкования закона 17 июля 1793 г. Главная цель, которую хотели достичь, состояла как раз в том, чтобы, проводя различие между феодальными и поземельными рентами, максимально сузить понятие «феодального», т. е. подлежащего отмене, и, напротив, всячески расширить понятие «поземельного», т. е. сохранявшегося с возможностью выкупа. Практически это означало, что в договорах о передаче земли, носивших смешанный характер, т. е. содержащих, как мы показали выше, поземельные платежи (фиксированные или из доли урожая) и наряду с ними — ценз и случайные повинности, должна быть сохранена основная, первая часть, и отменены лишь носящие сеньориальную форму добавления. Понятно, что для крестьян, обязанных этими рентами, такое толкование закона 17 июля в большой мере свело бы на нет его реальное значение; напротив, оно было крайне выгодно бывшим сеньорам и многочисленным буржуа, которые раздробили и сдали крестьянам свои земли, сопроводив годовые платежи сеньориальными добавлениями. Разумеется, немалых потерь избежало бы и государство, в руках которого была теперь большая доля бывших феодальных повинностей.

Внутри самого Конвента защитником этой линии выступил его Законодательный комитет. Уже через полтора месяца после принятия закона, 7 сентября 1793 г., комитет вместе с представителями Комитета доменов попытался дать ему резко ограничительное толкование. Было заявлено, что, «желая искоренить на территории Республики последние следы феодализма..., Конвент не имел в виду нанести ущерб собственности на поземельные ренты и платежи, установленные первоначальными документами в пользу французских граждан — бывших сеньоров или их представителей; следовательно, эти ренты и платежи будут уплачиваться до выкупа в соответствии с порядком, установленным предыдущими законами, как чисто поземельные ренты и платежи каков бы ни был их первоначальный характер»³¹. 2 октября Комитет внес в Конвент составленный в этом духе проект декрета, который предлагал, во-первых, ограничиться уничтожением записанных в договорах о передаче земли в наследственное владение чисто сеньориальных повинностей (т. е. всех видов ценза и случайных повинностей), но сохранить обусловленные этими договорами главные реальные платежи; во-вторых, отсрочить на 6 месяцев уничтожение этих документов. Замысел не удался, проект не прошел. Однако противники столь суворой последовательности в истолковании закона не успокоились.

В феврале с новой инициативой выступило Управление регистрации и доменов, ведавшее взиманием феодальных повинностей, принадлежавших нации. Оно предложило на рассмотрение Законодательного комитета конкретный прецедент — следует ли получить выкуп «за ренту в 36 сетье пшеницы, которая квалифицирована как поземельная и сеньориальная первоначальным документом о сдаче владения, причем в документе ого-

³⁰ AN.D.III.226.Dossier 37.

³¹ «Résumé des opinions émises au Comité de législation, en présence des commissaires du Comité des domaines, séance du 7 septembre, soir», AN.D.III. 358 (документ опубликован в сборн. Ph. S a g n a c et P. C a r o n . Op. cit., N 358, p. 784—789).

ворен также ценз и связанные с ним случайные повинности». Случай был избран классический, и он целиком подпадал под действие закона 17 июля и особенно декрета 2 октября 1793 г. Тем не менее Законодательный комитет опять адресовался в Конвент — и опять безуспешно³². В мае 1794 г. была предпринята новая попытка — в связи с запросом трибунала дистрикта Понтрие (департамент Кот-дю-Нор). Законодательный комитет еще раз поставил перед Конвентом ту же проблему. Конвент оставался непреклонным³³.

Прошел всего лишь месяц, и противники закона возобновили свои усилия. 30 прериля II года (18 июня 1794 г.) Законодательный комитет направил Конвенту письмо — подлинный обвинительный акт против закона 17 июля, который был объявлен «антидемократическим», «наносящим ущерб нации», «задевающим права собственности». Письмо ссылалось на интересы нации: республика замещает теперь 3/4 бывших сеньоров, в результате закона она «потеряла, быть может, миллиард ливров». Но в особенности оно брало под защиту собственников уничтоженных рент, не являющихся бывшими сеньорами, и именно в этом скрыта классовая суть тех материальных интересов, которые отразились в поистине неутомимых попытках пересмотреть закон 17 июля. Закон «уничтожил цензы и связанные с ними случайные повинности, не сделав никакого исключения для тех из них, которые принадлежат гражданам не сеньорам, и это ведет к посягательству на законы собственности без всякой пользы для общественного дела». Между тем во многих провинциях «почти всеобщим правилом является вечно наследственная аренда»; «часто земледелец, имея несколько арпанов земли вне места своего жительства, которые он не может сам обрабатывать, сдавал их и вечную аренду другому земледельцу за уплату ценза и случайных повинностей... Очень часто также к этому прибегали простые граждане, жители городов, которые, не имея возможности возделывать свое поле или виноградник, уступали их на тех же условиях...» И хотя, отдавая дань времени, авторы письма настойчиво подчеркивали, что многие из этих рантье «мало зажиточны» (и это нередко было действительно так), по существу речь шла об интересах бесчисленных сельских и городских буржуа старого полуфеодального типа, связанных с этим видом вечной аренды; к защите их и клонился представленный Комитетом новый проект декрета. Проект предусматривал сохранить, во-первых, все поземельные ренты (т. е. все, что не носит сеньориальных наименований), в чьих бы руках они ни находились, во-вторых, цензы и случайные повинности, «установленные в пользу граждан несеньоров»³⁴. Но все было тщетно; до самого конца Конвент самым решительным образом отвергал все пополнования ослабить закон 17 июля.

В итоге у его противников оставался единственный путь — смягчить суровость закона практикой ограничительного применения его основных положений и соответственного толкования в судах при разборе многочисленных конфликтов, которые не замедлили возникнуть. Упомянутая работа Ж. Мийо содержит интереснейший материал, проливающий свет на эту сторону истории борьбы вокруг феодальных повинностей после 17 июля 1793 г. «Никогда еще,— пишет Мийо,— закон не входил медленнее в жизнь, никогда не возникало столько трудностей в его истолковании»³⁵.

В течение нескольких месяцев администрация и суды изученных им районов Франш-Конте вообще не применяли закон 17 июля во всей его

³² P. C a r o n. Recueil des textes législatifs et administratifs concernant la suppression des droits féodaux.— «Bulletin d'histoire économique de la Révolution». Paris, 1924, N 210, p. 210.

³³ Ibid., N 174, p. 214—215.

³⁴ Ph. S a g n a c et P. C a r o n. Op. cit., N 359, p. 907—911.

³⁵ J. M i l l o t. Op. cit., p. 212.

полноте³⁶. Сначала это даже не был сознательный умысел — местные власти просто не могли поверить, что Конвент нанес столь беспощадный удар, что законодатель, как пишет Мийо, «столько раз провозглашавший неприкосновенность собственности..., отступил от руководящего принципа своей социальной политики»; закон вызвал «величайшее изумление, своего рода оцепенение»³⁷.

Действительно, иногда даже сами крестьяне не сразу отдавали себе отчет в масштабах собственного завоевания, и так было не только во Франш-Конте³⁸. Тем более не могли этого взять в толк буржуазные администраторы, чиновники Управления регистрации и юристы. Они медлили, посыпали запросы в Конвент, ждали разъяснений. Уже начав применять закон, они толковали его очень узко, считая отмененными только повинности чисто сеньориальной природы, т. е. ценз, случайные платежи и т. п. Тем временем кое-где чиновники Управления регистрации продолжали получать выкупы за феодальные повинности, принадлежавшие нации и сохраненные законом 1792 г., взыскивались иногда и сами повинности³⁹.

Твердая позиция Конвента рассеяла все возможные сомнения, для добросовестного заблуждения и ожидания изменения закона больше не оставалось почвы. И тогда суды вместе с администрацией «взяли в свои руки защиту владельцев повинностей, объявленных отмененными, и путем исключительно узкого, все более ограничительного истолкования закона, несправедливого в своей принципиальной основе, спасли от всеобщего крушения значительное большинство платежей, оправданных первоначальной уступкой земли»⁴⁰. Однако эта консервативная тенденция восторжествовала и дала ощутимые результаты позднее, главным образом со временем Директории. В период якобинской диктатуры она отчасти еще не успела оформиться, а главное — она не сулила серьезного успеха в общественно-политической атмосфере этих критических месяцев.

³⁶ Например, в трибунале дистрикта Кенже первое судебное заключение, основанное на этом законе, было вынесено 1 термидора III года (20 июля 1795 г.). Многие трибуналы в этом и других дистриктах до конца II года Республики продолжали выносить решения на основе тех статей закона 1792 г., которые отменил декрет 17 июля. Мийо приводит примеры подобных решений, относящиеся к 28 фримера, 8 нивоза, 23 вантоза II года (18 декабря 1793 г., 28 января, 13 марта 1794 г.) (см. J. Millot Op. cit., p. 228—230). В департаменте Жиронда закон 17 июля тоже начал применяться не сразу, как показывает исследование Ферраду (см. A. Feggadou. Le rachat des droits féodaux dans la Gironde. Paris, 1928, p. 445, 456—457).

³⁷ J. Millot. Op. cit., p. 235.

³⁸ 15 сентября 1793 г. генеральный совет коммуны Нейи (департамент Ионна), сообщая председателю Конвента о своем желании как можно скорее сжечь феодальные титулы, «эти постыдные титулы нашего древнего рабства», просил разъяснить 1—2 статьи декрета 17 июля. Совет запрашивал: «Один бывший сеньор в 1511 и следующем годах сдал частным лицам участки земли в пределах своей сеньории за годовую ренту в одно бище зерна и 12 су ценза с арлана. Так как в результате этой уступки образовалась поземельная и феодальная рента, оговоренные в одном титуле, должно ли уничтожение ценза привести к отмене и платежа в зерне» и каким образом они должны применять статью 2 закона 17 июля, сохранившую поземельные ренты, «когда все бывшие сеньориальные ренты связаны с цензом? Коммуна уже в течение 20 лет вела процесс против бывшего сеньора и не могла добиться положительного решения (в частности, в 1791 г.). Как видим, она и теперь еще не была уверена, что закон 17 июля полностью решил дело в ее пользу (A.N.D.III.307).

³⁹ В департаменте Жиронда последний выкуп был внесен 20 августа 1793 г.—2625 ливров за шампар в $\frac{1}{7}$ урожая; но в актах продажи земли еще в сентябре и октябре оговаривалось, что покупщик будет платить феодальные права «qui seraient justifiés être dus» (A. Feggadou. Op. cit., p. 445—449). В департаменте Юра выкупы продолжались значительно дольше: в дистрикте Лон-ле-Сонье отмененные законом повинности выкупались до ноября 1793 г., еще 23 фримера II года (13 декабря 1793 г.) один цензитарий внес 1076 ливров в счет отмененного ценза за 1792—1794 гг. (J. Millot. Op. cit., p. 163. 215).

⁴⁰ J. Millot. Op. cit., p. 212.

Необходимо коротко обрисовать некоторые ее характерные черты, чтобы стала яснее причина неудач всех атак на закон 17 июля. «II год Французской республики, единой и неделимой» был поистине годом торжества общекрестьянской «жакерии» против сеньориального строя. Эта победа отразилась не только в лаконичных статьях закона 17 июля, «закона гнева» (*la loi de colère*), но и в том, что все вообще, напоминающее феодально-сеньориальный порядок, было подвергнуто беспощадной проскрипции и осуждено не только крестьянским, но и официальным общественным мнением. Бывший сеньор Гектор де Гарган был арестован во II году по приказу Сен-Жюста за «тиранию и притеснения, которым он подвергал жителей деревни Боньер (департамент Па-де-Кале), желая сохранить чудовищное право мельничного баналятета»⁴¹.

Знаменательна и суровая кара, постигшая весной 1794 г. Жана Фужре, бывшего сеньора коммуны Шато-Ренар (департамент Луаре), отличавшегося жестоким обращением с крестьянами и вымогательством. Он не эмигрировал и с начала революции жил в Париже. 26 плювиоза II года (14 февраля 1794 г.) народное общество Шато-Ренара направило в парижскую секцию Вооруженного человека жалобу на своего бывшего сеньора, очень подробную и написанную в духе торжествовавших в те дни принципов: «Тот, кто постоянно показывал себя врагом народа, кто непрестанно оскорблял нищету и несчастье..., кто злоупотреблял своими деспотическими правами... над самым важным для общества классом и наиболее несчастным, кто превратил своих слуг в подлых убийц, кто предавался отвратительному удовольствию, высасывая кровь себе подобных (*des suinters ses semblables*), должен ли он пережить совершающееся возрождение?» «Товарищи, употребите всю вашу энергию против этой семьи! Благословение санкюлотов всего нашего кантона будет вам обеспечено»... Секция Вооруженного человека не осталась глуха к этому призыву — в вантоze, по ее заявлению, Фужре был арестован, предстал перед революционным трибуналом, 12 мая 1794 г. осужден как «деспот и тиран своих сограждан» и в тот же день казнен⁴².

Эта же общественная атмосфера сказалась и в том, что якобинская диктатура подняла карающую руку не только на феодальные повинности и документы, но и на дворянские замки. Разрушение этих «чудовищных монументов феодализма» получило теперь хотя бы отчасти легальную санкцию. Летом 1793 г. к этому вопросу подошли с точки зрения общественной безопасности: 6 августа 1793 г. Конвент в принципе решил, что необходимо разрушить все замки, имевшие укрепленный характер. 19 октября он разрешил своим комиссарам производить разрушение укреплений в замках, принадлежавших частным лицам. Независимо от этого некоторые члены Конвента во время своих миссий в департаментах отдавали приказы о разрушении замков — Кутон в Оверни, Ноэль Пуэнт в департаменте Алье, Бриваль в Верхней Вьенне, Изабо и Тальен в Пиренеях, Дордони, Жиронде, Жавог и Бассаль в восточных департаментах, Тайлесфер в Авэроне и Ло, Баррас в Провансе⁴³.

Они придавали этой мере не только военный, но социальный, антифеодальный характер. Ноэль Пуэнт обосновывал свой приказ (8 термидора II года — 26 июля 1794 г.) тем, что «эти чудовищные и отвратительные символы феодализма и деспотизма противны принципам свободы и долж-

⁴¹ G. Sanguier. L'évolution de la propriété rurale dans le district de Saint-Pol pendant la Révolution. Blangermon, 1951, p. 76.

⁴² P. de Vaissière. Lettres d'aristocrates. Paris, 1907, p. 389—392.

⁴³ Жавог и Бассаль включили разрушение замков в число задач, которые они ставили перед создававшимися в этих департаментах «революционными армиями» (R. Cobb. Les armées révolutionnaires instrument de la terreur dans les départements, t. I. Paris, 1961, p. 265, note 109).

ны полностью исчезнуть»⁴⁴. Жавог заявлял, что «ничто так не противоречит принципам свободы и равенства, как эти наглядные памятники гордыни и угнетения» (приказ от 1 нивоза II года — 21 декабря 1793 г.)⁴⁵. Бриваль прямо напоминал о феодальных рентах (постановление от 8 нивоза II года — 28 января 1794 г.), подчеркнув, что «беспорядки, вызванные изыхающей аристократией и умирающим фанатизмом, имеют целью не что иное, как восстановление старого порядка, десятин, рент и барщин, и что важно разрушить бывшие замки, которые в этих обстоятельствах стали бы прибежищами для этих негодяев...»⁴⁶. Некоторые замки действительно были разрушены⁴⁷, да и независимо от этого сам тон документов дает представление о характере эпохи.

Наконец, особенно выразительно об общей атмосфере якобинского периода говорит еще один примечательный факт — сама «жакерия», вооруженное сельское восстание против феодального строя, стала теперь рассматриваться как похвальный акт патриотизма, гражданского рвения, оно окончательно стало не бунтом, но «святым восстанием». Так именно и выразился депутат Конвента монтаньяр Бо в письме Продовольственной комиссии 19 флореала II года (8 мая 1794 г.), присланном из Оверни: «Страх перед возобновлением *святого восстания марта 1792 г.*⁴⁸ (курсив наш. — А. А.) помешал аристократам и фельянам делать большие запасы зерна и поэтому бесполезно проводить обыски»⁴⁹. Точно так же написал во II году об этом восстании и национальный агент Орийякского дистрикта (тоже в Продовольственную комиссию и по тому же вопросу): «В марте 1792 года имело место *святое восстание против аристократов* (курсив наш. — А. А.); многие замки утратили свою форму, а содержание погребов было подвергнуто реквизиции несчастными, которые оплатили его своим трудовым потом...»⁵⁰. Изменение тона по сравнению с 1792 г. бросается в глаза — «бунт» стал «святым восстанием», «грабеж» — «реквизицией», замки были не разгромлены — они лишь «утратили свою форму» (*perdirent leur forme*).

Замечателен в этом отношении и любопытный документ, присланный в Конвент в нивозе II года из коммуны Иже (департамент Сона-и-Луара). Это была та самая коммуна Иже, которая в июле 1789 г. первой забила в набат, восстала и дала сигнал к знаменитому восстанию крестьян в Маконнэ⁵¹. Восстание было тогда сурово подавлено, несколько его участников погибли на виселице. И вот теперь именно на этом основании коммуна потребовала от Конвента официально признать, что она «заслужила благодарность отечества, так как в 1789 году забила в набат и дала пер-

⁴⁴ L. Biernawski. Un département sous la Révolution française. Moulins, 1909, p. 297.

⁴⁵ J.-B. Gallez. Saint-Etienne et son district pendant la Révolution, t. I. Saint-Etienne, 1903, p. 340.

⁴⁶ A. Fray-Fournier, Le département de la Haute-Vienne pendant la Révolution, t. 2. Limoges, 1909, p. 128—129.

⁴⁷ «Мы дали самые точные приказы,— доносили 29 октября Изабо и Тальен,— разрушить все замки, снабженные укреплениями или внешними знаками феодализма. В дистрикте Реоль [департамент Жиронда] не осталось уже ни одного [замка]» (*Recueil des actes du Comité de Salut public*, t. 8. Paris, 1895, p. 41). В Оверни ряд укрепленных замков был разрушен по приказу Кутона от 20 сентября 1793 г., в Верхней Вьенне то же было сделано после призыва Бривала от 8 нивоза II года (J.-B. Segres. Histoire de la Révolution en Auvergne, t. I—X. Paris, 1895—1899, t. III, p. 14, 27—29; M. Fray-Fournier. Op. cit., p. 129, note 1).

⁴⁸ Речь идет о большом крестьянском восстании в департаменте Канталь в марте 1792 г.

⁴⁹ Отрывок любезно сообщен нам М. Леймари, историком из Орийяка (департамент Канталь).

⁵⁰ Textes et documents locaux pour l'enseignement de l'histoire. 10. La Révolution de 1789. Aurillac, s. d. (издание не имеет pagination).

⁵¹ См. о нем G. Lefebvre. La Grande peur de 1789. Paris, 1932, p. 132—135.

вый сигнал всеобщего восстания против тирании феодального режима»; это необходимо, в частности, и для того, чтобы «реабилитировать память несчастных, которые были схвачены и в 24 часа казнены. Напрасно будут возражать, что все коммуны республики приняли участие в этом святом восстании (курсив наш. — A. A.) — одно дело следовать данному импульсу, и совсем другое — дать его самому»⁵². Петиция была представлена Конвенту 29 нивоза (18 января 1794 г.); Конвент переслал ее Законодательному комитету и Комитету доменов для незамедлительной подготовки доклада. Мы не знаем дальнейшего хода этого дела, но несомненно, что коммуна Иже очень точно выбрала время для своей просьбы и вполне могла рассчитывать на благоприятный прием; это касается, в частности, ее просьбы о реабилитации участников восстания, погибших в результате судебных репрессий. Во II году Конвент не раз принимал решения в этом духе. Например, в декабре 1792 г. трибунал дистрикта Бриуд (департамент Пюи-де-Дом) вынес четыре смертных приговора участникам убийства бывшего сеньора во время волнений из-за общинных земель. Приговор еще не был исполнен, когда 17 мессидора II года (5 июля 1794 г.), по сообщению депутатов Реньо и Безара, Конвент не только отменил приговор и приказал немедленно освободить заключенных, но еще поручил Законодательному комитету решить вопрос об оказании им помощи⁵³.

Эта позиция оставалась неизменной во время якобинской диктатуры. Возможность сопротивления закону 17 июля Конвент предвидел с самого начала и заранее постарался его парализовать. Чрезвычайно характерно, что исполнение закона он возложил прямо на низовые ячейки власти — муниципалитеты, минуя все промежуточные административные звенья⁵⁴. 8 августа Конвент еще раз обязал министра внутренних дел «точнейшим образом проследить» за быстрой и точной публикацией на местах законов 10 июня и 17 июля и пригрозил немедленным смешением всем должностным лицам, которые проявят в этом деле небрежность.

В дальнейшем, возвращаясь несколько раз к истолкованию закона, Конвент, как мы уже отмечали, не только с суровой непреклонностью отверг все пополнования сузить масштабы осуществленной ломки, но и утяжелил условия закона. 2 октября он отверг предложение Законодательного комитета об интерпретации закона в пользу владельцев поземельных рент простым декретом о переходе к порядку дня. 16 вандемьера (7 октября), подчеркивая важность принятого решения и понимая, очевидно, влиятельность стоявших за предложением Комитета групп, он решил, чтобы это постановление было опубликовано (обычно постановления о переходе к порядку дня просто заносились в протокол), разослано на места, внесено в официальные регистры судов и администрации. В сущности декрет 2 октября не просто подтвердил, но усилил строгость закона 17 июля. Впоследствии Законодательный комитет при решении конкретных вопросов не раз говорил об этих актах, как о двух разных по содержанию законах; например, в разъяснении на запрос Луанского дистрикта (3 вандемьера III года): «Закон 17 июля 1793 г. отменил все сеньориальные платежи, какова бы ни была их природа. Закон 2 октября того же года отме-

⁵² AN.D.III.226. Dossier 28. Мы цитировали резюме и замечания о петиции, составленные в недрах Законодательного Комитета и очень точно отразившие суть документа.

⁵³ «Moniteur Universel», t. XX, p. 735; t. XXI, p. 143.

⁵⁴ Ст. 12 гласила: «Министру внутренних дел поручается разослать настоящий декрет непосредственно муниципалитетам, а на эти последние возлагается обязанность его выполнения без посредства административных учреждений». Знаменательно, что эта статья отсутствовала в первоначальном проекте и была добавлена, очевидно, Билло-Варенном (сохранившийся в Национальном архиве небольшой листок с текстом статьи написан рукой этого левого монтаньяра). См. A. A u l a r d. La Révolution française et le régime féodal. Paris, 1919, p. 254—255.

няет также (курсив здесь и ниже наш.— A. A.) все поземельные повинности, записанные в смешанных феодальных титулах. Не может быть сомнений, что титулы, о которых вы нам сообщаете, попадают под действие этой двойной отмены...»⁵⁵. 7 вантоза II года (25 февраля 1794 г.) в ответ на новое пополнение Конвент вновь истолковал закон 17 июля еще более категорически — уничтожаются «поземельные ренты, даже созданные в результате уступки земли, если они соединены с цензом и другим признаком сеньории или феодализма»⁵⁶. И, наконец, 29 флореяля (18 мая 1794 г.) Конвент реагировал на повторную инициативу Законодательного комитета уже отмеченным нами суровым декретом: «Всякая повинность или рента, запятнанная при своем установлении малейшим признаком феодализма (курсив наш.— A. A.) отменена без вознаграждения, каково бы ни было ее наименование»⁵⁷. Это был тяжелый удар по многочисленным владельцам поземельных рент — достаточно было слова, термина — «ценз», чтобы весь договор утрачивал силу.

Единственное, в чем якобинский Конвент согласился уступить, — это отсрочка сожжения феодальных документов до составления земельного кадастра (декрет 8 плювиоза II года — 27 января 1794 г.). Уступка была продиктована практической необходимостью и не носила принципиального характера, поскольку от самого принципа сожжения феодальных бумаг Конвент не отказался⁵⁸. Декрет 11 мессидора (29 июня 1794 г.) имел в виду, что «срок и место общего сожжения» феодальных титулов будут указаны в дальнейшем^{58а} (другой вопрос, что вскоре времена изменились и этот срок так никогда и не был указан). К тому же, несмотря на отсрочку сожжения, сокрытие и хранение феодальных титулов было по-прежнему уголовно наказуемым деянием, и до 9 термидора эта статья закона не всегда оставалась мертвой буквой. Именно за это преступление попал в революционный трибунал Франсуа Бонне, бывший дворянин из Безье (департамент Эро). 29 жерминаля (18 апреля 1794 г.) национальный агент коммуны произвел домашние обыски «с целью обнаружить хищение и сокрытие титулов, которое могли совершить бывшие сеньоры и другие лица». В доме Франсуа Бонне нашли переплетенные в том акты признания феодальной зависимости (gesouppaissance), начиная с 1713 г. Дело пошло в трибунал дистрикта, потом департамента, который постановил: Франсуа Бонне уличен в том, что «намеренно и со злым умыслом, в нарушение закона спрятал и утаил указанный том, содержащий феодальные титулы», а так как он, кроме того, является «бывшим дворянином и отцом двух эмигрантов» и объявлен подозрительным, «соединение этих обстоятельств» ведет к «обвинению его в заговоре против революции». Поскольку же делами о заговорах ведал революционный трибунал в

⁵⁵ AN.D.III.226. Dossier 37.

⁵⁶ P. C a r o n. Les droits féodaux.— «Recueil de textes...», N 210.

⁵⁷ Ibid., N 174..

⁵⁸ Ходом сожжения феодальных титулов интересовался Комитет общественной безопасности. 6 плювиоза II года (25 января 1794 г.) он разослал в дистрикты запрос о выполнении законов, в том числе и закона об уничтожении феодальных документов (это был 11-й вопрос разосланной Комитетом анкеты). В бумагах общей полиции есть ответы некоторых дистриктов; например, дистрикт Монпелье (департамент Эро) сообщал: «Чисто феодальные титулы были сожжены в два приема во время торжественных ауто-да-фе, которые обратили в пепел гордыню многих фамилий»; Лодевский дистрикт (департамент Эро): «Сожжение феодальных титулов осуществлено только отчасти, но мы прилагаем усилия к тому, чтобы этот закон не остался без последствий» (AN.F⁷ 3678²).

^{58а} J.-B. Du Vergier. Op. cit., t. VII, p. 209. Принятый несколькими днями раньше декрет об упорядочивании архивного дела во Франции держался той же позиции; все бумаги делились на четыре категории, из них четвертая — «чисто феодальные документы» — подлежали сожжению (Е. В. Тарле. [Национальный архив в Париже. Соч., т. IV, М., 1958, стр. 602].

Париже, Бонне туда и отправили; нам неизвестен конец этого дела⁵⁹. Вряд ли подобные случаи были особенно часты, но нет сомнений, что приведенный пример не является единственным⁶⁰.

Таковы некоторые наблюдения относительно борьбы вокруг проведения в жизнь закона о полной отмене феодальных прав во время якобинской диктатуры. Многое здесь нуждается в детальном изучении и уточнении. Но все же очевидно, что именно в этом вопросе якобинцы пошли вместе с крестьянами дальше всего, отступили меньше всего, проявили наибольшую последовательность и стойкость в защите и укреплении раз занятой позиции, не останавливаясь перед прямым посягательством на интересы значительного слоя старой буржуазии.

* * *

Декрет 17 июля 1793 г. отвечал интересам всего крестьянства в целом, в первую очередь интересам крестьян-собственников. Иной характер носил широко известный закон о разделе общинных земель, принятый месяцем раньше, 10—11 июня 1793 г. Ж. Лефевр верно заметил, что, решив пойти навстречу крестьянам, монтаньяры «вместо того, чтобы в первую очередь повести борьбу с остатками феодальных прав..., стали — и это знаменательный факт! — издавать декреты, которые должны были открыть доступ к собственности наиболее обездоленным крестьянам»⁶¹.

Действительно, монтаньяры начали свою аграрную политику именно с решения земельного вопроса, пошли навстречу эгалитарному натиску, который уже с осени 1792 г. стал основным стержнем аграрного движения в стране. Среди принятых летом 1793 г. законов декрет 10—11 июня, поощрявший равный и поголовный раздел общинных земель между всеми жителями коммун, включая батраков и рабочих на фермах, был ближе всего к нуждам малоимущих и неимущих крестьян и наиболее суров к имущим верхам (и далеко не только к бывшим сеньорам). Правда, декрет не перешагнул рамок формального равенства: не прошло предложение делить обратно пропорционально собственности, никаким образом (субсидией, предоставлением инвентаря и т. п.) не облегчились бедняку трудности хозяйственного обзаведения на полученных от раздела делянках (на которых в большинстве случаев надо еще было поднимать целину). И все же прав Е. Н. Петров, утверждая, что «из всех декретов, изданных в первые месяцы якобинской диктатуры по вопросам аграрным и крестьянским, декрет об общинных землях в наибольшей степени сочетал демократичность основных положений со стремлением повлиять на жизненные условия низов сельских масс»⁶².

Но в тесном переплетении деревенских хозяйственных связей улучшить жизненные условия сельских низов можно было лишь за счет каких-то других элементов деревни. В данном случае страдающей стороной оказывались прежде всего бывшие сеньоры, но также и сельские буржуа, и верхи самого крестьянства, поскольку они тем или иным путем уже захватили

⁵⁹ AN.D.III.103. Dossier 11. Выписка из протоколов уголовного трибунала департамента Эро от 23 прериля II года (11 июня 1794 г.).

⁶⁰ 19 мессидора II года (7 июля 1794 г.) национальный комиссар в трибунале Турского дистрикта сообщил Законодательному комитету, что в доме вдовы Буэн-Нуаре найдены акты, «в которых идет речь о фьефах и цензуальных декларациях»; муниципалитет послал эти бумаги в суд «для составления обвинительного заключения согласно закону 17 июля 1793 г. относительно феодальных титулов» (AN.D.III.115).

⁶¹ Ж. Л е ф е в р. Аграрный вопрос в эпоху террора. Л., 1936, стр. 49.

⁶² Е. Н. П е т р о в. Борьба за общинные земли и декрет Конвента 10 июля 1793 г. «Уч. зап. ЛГУ». Серия исторических наук, вып. 6, 1940, стр. 188.

во владение или пользование общинные земли и пустоши, поскольку отвергались их претензии в случае раздела на преимущественное присвоение этих обширных угодий. Поощряя раздел и радикально решив вопрос о восстановлении расхищавшегося до революции общинного земельного фонда, декрет означал не только частичную экспроприацию бывших сеньоров, но ставил под вопрос и часть земельных приобретений городской и сельской буржуазии, совершенных особенно в пору интенсивных аграрных сдвигов второй половины XVIII в. К тому же вместо обычного судебного порядка претензии общин на возврат земель подлежали ускоренному решению путем арбитража, и эту процедуру крестьяне успешно обращали во II году в свою пользу. Именно поэтому термидорианцы объявили декрет 10 июня попыткой «агарного закона», «гибельным и грабительским»⁶³, а собрания Директории приложили все усилия к тому, чтобы добиться фактической отмены ряда его основных положений. Суждения, восторжествовавшие в пору буржуазной контрреволюции, перешли (в этом вопросе так же, как и во многих других) в работы ряда буржуазных историков, и один из них, имея в виду принципы закона 10 июня и оперируя понятиями своего времени, воскликнул: «Это коллективизм!»⁶⁴.

В какой мере был реально исполнен закон 10 июня 1793 г. в той его части, которая относилась к разделу общинных земель? В какой мере удалось неимущим и малоимущим слоям деревни добиться получения земли за счет общинного фонда и какова судьба полученных участков? Все эти немаловажные вопросы аграрной истории Французской революции до сих пор всерьез не изучены и наши наблюдения, как уже было отмечено, носят предварительный характер.

Что касается раздела, закон сохранял полную силу в течение трех лет, и, оставаясь в хронологических рамках якобинской диктатуры, нельзя говорить о его конечных результатах — речь может идти лишь о начале его применения. «Вопреки утверждениям, будто декрет остался мертвей буквой,— писал советский исследователь Е. Н. Петров,— сведения, идущие из разных мест, позволяют считать доказанным широкое его применение: заинтересованная часть населения, обычно малоимущая, знала о декрете, пользовалась открытым покровительством, которое декрет оказывал разделам, и проводила их в жизнь очень широко»⁶⁵. Хотя этот вывод, возможно, излишне оптимистичен, все же несомненно, что уже вскоре после опубликования закона во многих коммунах действительно принимали решения о разделе, начинали его готовить (т. е. назначали экспертов, нарезали участки и т. п.), а кое-где и поделили⁶⁶.

Приведем фрагментарные сведения, которые можно найти для некоторых департаментов:

⁶³ Об этом говорилось с трибуны термидорианского Конвента и собраний Директории, в том же духе выдержаны многочисленные петиции, приходившие после термидора; вот что говорилось, например, в петиции 30 граждан — землевладельцев дистрикта Вильфор (департамент Лозер), присланной в III году: «Было время, когда одна клика хотела установить аграрный закон. Не осмеливаясь взяться за дело открыто, она хотела достичь цели окружными путями. Для этого она добилась закона... о разделе общинных земель и многих других более или менее посягавших на право собственности» (A.N.D.III.139).

⁶⁴ P. J a r i o t. Contribution à l'étude de la législation relative aux biens communaux. Nancy, 1907, p. 154, note 2.

⁶⁵ Е. Н. Петров. Борьба за общинные земли и декрет Конвента 10 июня 1793 г.— «Уч. зап. ЛГУ». Серия исторических наук, вып. 6, 1940, стр. 189.

⁶⁶ Коммуна Вовер (департамент Гар) приступила к делу уже через 8 дней после опубликования закона; на трех собраниях — 4, 11 и 25 августа 1793 г.— решили поделить все общинные земли, кроме пруда, назначили трех экспертов для нарезки участков и двух арбитров на случай споров с соседними коммунами (См. E. F a l g a i r o l l e. Vauvert pendant la Révolution française. Nîmes, 1897, p. 150—154).

*Департамент Нор*⁶⁷

Дистрикты	Число коммун	
	высказавшихся за раздел общинных земель	высказавшихся за продажу общинных земель
Авен	9 (во II году; в III году 4 из них от раздела отказались)	37
Камбрэ	7 (4 паверняка поделили)	—
Кенуа	15 (1 потом отказалась)	6
Валансен	18	7
Лилль	17 или 18 (12 поделили)	—
Дуз	22	—

Департамент Марн, дистрикт Нанси

Из 79 коммун дистрикта, имевших общинные земли:

Высказались за раздел или уже осуществили его — 34 (12 из них поделили)

Незаконно сохранили осуществленный ранее раздел — 6

Высказались за общее пользование — 7

Не имели общинных земель — 4

Не сообщали никаких сведений — 28

Департамент Шер

Из 106 коммун, протоколы которых сохранились:

Высказались за раздел — 33 (но далеко не все его осуществили)

Высказались против раздела — 73

Департамент Жиронда, дистрикт Либурн

Из 52 коммун, протоколы которых удалось обнаружить:

Высказались за раздел — 15 (из них 2 решили поделить лишь часть своих общинных земель)

Высказались против раздела — 37 ⁶⁸

Департамент Верхняя Гаронна

От общего числа коммун высказались за раздел:

в дистрикте Тулузы — 21 %

в дистрикте Миоре — 6 %

« Гренад — 36,5 %

« Вильфранш — 20 %

« Сен-Годан — 31,5 %

(Не во всех этих коммунах решенный раздел был проведен в жизнь. Нет сведений по дистриктам Ревель и Кательсарразен) ⁶⁹

Департамент Жер, дистрикты Ош и Миранд

Из 286 коммун:

Высказались за раздел или уже приступили к нему — 27

Поделили до принятия закона 10 июня — 6

Высказались против раздела или не обсуждали этого вопроса — 49

Не ответили вообще на запрос дистриктов или не сообщили о положении дел с разделом — 135

Не имеют общинных земель — 69⁷⁰.

⁶⁷ G. L e f e b r e. Les paysans du Nord pendant la Révolution française, 2-e éd. Bari, 1959, p. 544—546.

⁶⁸ G. B o u r g i n. Les biens communaux et la Révolution française.— «Nouvelle revue historique du droit français et étranger», 1908, N 6, p. 740—741.

⁶⁹ G. R i c h e t. Biens communaux et droits d'usage en Haute-Garonne pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire.— «Annales historiques de la Révolution française», 1951, N 123, p. 276. Сведения относятся ко II—III годам республики.

⁷⁰ A.N.D.III.94. Dossier 6. Таблицы, составленные дистриктами в результате проведенной анкеты об исполнении закона 10 июня, 6 жерминаля и 23 вантоза II года.

Даже эти отрывочные сведения позволяют сделать вывод, что закон о разделе отнюдь не оставался на бумаге, в деревнях его знали, обсуждали и реально проводили в жизнь. Но обращает внимание и другое — во всех приведенных случаях лишь меньшинство деревень, имевших общинные земли, высказывалось за раздел, остальные по тем или иным причинам предпочитали от него отказаться (а среди принявших решения — не всех выполняли). Кроме того, многие коммуны (28 из 79 в дистрикте Нанси, 135 из 286 в дистриктах Ош и Миранд) вообще не ответили на запросы администрации.

Отдельные сообщения, поступавшие из других районов, тоже говорят о том, что раздел общинных земель явно задерживался и наталкивался на многочисленные препятствия. К началу февраля 1794 г. он, очевидно, почти не начинался в департаменте Кальвадос, так как 18 плювпоза (6 февраля 1794 г.) директория писала в своем решении: «Важно безотлагательно приступить к разделу этих имуществ, которые по большей части пригодны для обработки и зерновых посевов». Между тем «муниципалитеты... либо по беззаботности, либо движимые неким частным интересом, совершенно не исполнили требований закона и не осуществили раздела общинных земель»⁷¹. Вот другое свидетельство — из департамента Мозель (вантоз II года): «Благодаря какому фатальному стечению обстоятельств законы, благоприятные неимущему классу, остаются невыполнеными или исполнены неправильно? Один из них, имеющий целью привлечь больше людей к благам равенства, крепче привязать граждан к отечеству... узами собственности, — это закон 10 июня старого стиля о разделе общинных земель. И что же! До сих пор в некоторых коммунах этот закон остается погруженным в сон или исполнен прямо противоположно его смыслу»⁷². В департаменте Шер к вантозу II года закон «все еще не был осуществлен благодаря медлительности, с которой действуют в этом отношении дистрикты и коммуны»⁷³. Такое же положение было в департаменте Лозер, где «исполнение закона 10 июня сильно задерживается из-за медлительности администрации»⁷⁴. Директория департамента Ардеш дважды требовала отчета у дистриктов; в жерминале дистрикт Танараг ответил: «Закон (10 июня 1793 г.) не исполнен на территории дистрикта, несколько коммун начали делить свои земли после закона 14 августа 1792 г., но так как это было сделано вопреки порядку, установленному законом 10 июня, ...эти разделы объявлены недействительными...»⁷⁵. В дистрикте Монпелье (департамент Эро) в плювиозе II года (январь — февраль 1794 г.) «еще не начаты первые операции по разделу общинных земель, имеется только решение департамента от 15 нивоза, указывающее муниципалитетам на предварительные формальности, которые необходимо исполнить для осуществления раздела»⁷⁶; в дистрикте Мюр-де-Баррес (департамент Аveyron) «закон о разделе общинных земель применяется очень мало» (вантоз II года)⁷⁷.

Что же тормозило исполнение закона, которого так долго ждали и так

⁷¹ AN.F¹⁰ 333^B.

⁷² AN.F¹⁰ 333^B. Обращение национального агента дистрикта Саргемин к национальным агентам коммун от 9 вантоза II года (27 февраля 1794 г.).

⁷³ AN.D.III.47. Черновик письма Комитета общественного спасения администрации департамента Шер от 1 жерминаля II года (21 марта 1794 г.).

⁷⁴ AN.D.III.139. Черновик письма (очевидно, Комитета общественного спасения) администрации департамента Лозер от 2 жерминаля (22 марта 1794 г.).

⁷⁵ AN.D.III.14. Письмо администрации департамента Комитету общественного спасения от 3 флореяля II года (22 апреля 1794 г.).

⁷⁶ AN.F³⁶⁷⁸, ответы дистрикта Монпелье на вопросы, предложенные Комитетом общественной безопасности.

⁷⁷ AN.D.III.27. Dossier 34. Из письма национального агента дистрикта Комитету общественного спасения от 20 вантоза II года (10 марта 1794 г.).

настойчиво требовали? Несомненно, был целый ряд причин объективного порядка; перед разделом коммуны должны были уплатить свои долги; иногда общинные владения были непригодны для раздела по своей физической природе или же были настолько малы, что дробление теряло смысл; многие коммуны добивались возвращения узурпированных земель, и это откладывало раздел. Но помимо этих (и ряда других) объективных обстоятельств, трудно допустить, чтобы за отрицательной позицией или медлительностью сельских муниципалитетов и общих собраний, за небрежением местных властей не скрывались и определенные материальные интересы, а значит — борьба. О ней мы знаем очень мало. Литература вопроса не дает почти ничего. Известная публикация документов о разделе общинных земель, осуществленная Ж. Бурженом в 1907 г., доведена только до лета 1793 г., а намерение составителя продолжить ее осталось неосуществленным.

Во французской литературе давно уже утвердилось мнение, что разделу общинных земель противились главным образом сельские «низы», т. е. бедняки, батраки, а сторонниками его выступали преимущественно крестьянские верхи, сельская буржуазия⁷⁸. Это суждение, в значительной мере априорное и разделляемое далеко не всеми специалистами, было подвергнуто наиболее убедительной критике советским исследователем Е. Н. Петровым, который показал, что соотношение сил в борьбе вокруг раздела общинных земель, во крайней мере, до принятия закона 10—11 июня 1793 г. было скорее обратным: беднота добивалась демократического раздела по «закону равенства» и сталкивалась в этом вопросе с упорным сопротивлением зажиточных и богатых крестьян, которые либо вообще противились разделу, так как фактически уже присвоили разными путями общинные угодья, либо требовали раздела с выделением львиной доли в пользу богатых⁷⁹.

Материалы, относящиеся к борьбе, развернувшейся уже после принятия закона о разделе в связи с его проведением в жизнь, дают основания полагать, что в сущности это было дальнейшее развитие того же конфликта, который разделял деревни в этом вопросе до принятия закона 10 июня. Два документа, составленные местными властями, хорошо проясняют, с нашей точки зрения, характер противостоявших друг другу интересов. В плювиозе II года директория департамента Кальвадос заявила, что «истинная причина (неисполнения закона о разделе общинных земель.— А. А.) кроется в эгоизме богатых землевладельцев⁸⁰, которые боятся потерять выпасы, служившие лишь для откорма их овечьих стад, в то время как выпущенная на них корова бедняка умирала от голода»; в то же время неисполнение закона «носит ущерб малозажиточным гражданам, имеющим право на раздел, лишая их дарованной законом возможности удовлетворить насущные нужды их семей»⁸¹. Второй документ —

⁷⁸ Эта старая точка зрения со всей определенностью воспроизведена и в известной обобщающей работе Ж. Годпо по истории учреждений периода революции: «Раздел общинных земель, несмотря на видимость, ни в малой мере не должен был благоприятствовать бедным» (J. G o d p o t. Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. Paris, 1951, p. 341).

⁷⁹ Е. Н. П е т р о в. Социальная роль общинного землевладения во Франции перед революцией.— «Исторический сборник», № 5. М.—Л., 1936; он же. Борьба за общинные земли и декрет Конвента 10 июня 1793 г.— «Уч. зап. ЛГУ», вып. 6, 1940. Характерно, что Бабеф, превосходно знавший пикардийскую деревню и сам принявший участие в борьбе вокруг раздела общинных земель, не сомневался, что этот раздел отвечает интересам именно «несчастного, который жалуется на то, что до сих пор решительно ничего не было сделано в его пользу». (См. В. М. Да ли н. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции. М., 1963, стр. 459).

⁸⁰ Курсив здесь и ниже нап.— А. А.

⁸¹ A.N. F¹⁰333^B. Решение директории Кальвадоса от 18 плювиоза II года (6 февраля 1794 г.).

обращение национального агента дистрикта Саргемин (департамент Мозель) к национальным агентам коммун (9 вантоза II г.) говорит не только о том, что закон плохо исполняется, но что во многих коммунах «он был исполнен противоположно его смыслу: граждане, лишенные собственности, не были допущены к разделу или же им выделили только половинные доли. Благодаря этим несправедливым сделкам неравенство по-прежнему господствует и даже усилилось, жадный собственник присваивает землю, а бедный санкюлот, проливающий кровь на границах для ее защиты, оказывается лишенным дарованных ему нацией благ!»⁸².

Таким образом, судя по этим двум документам, и в якобинское время в борьбе вокруг раздела общинных земель мы обнаруживаем отмеченные Е. Н. Петровым тенденции: с одной стороны, стремление малоимущих и особенно неимущих слоев крестьянства к разделу, с другой — стремление крестьянской верхушки либо сорвать уже декретированный раздел, либо повернуть его в свою пользу, отстранив бедноту. Заметим, что немногие письма властей и петиции, которые нам удалось отыскать, отражают именно эти линии социальной борьбы; среди них нет ни одного документа, который говорил бы о противодействии разделу со стороны бедноты — последняя всегда выступает силой, стремящейся к нему и несущей ущерб от неисполнения закона.

Например, в дистрикте Брута Великого⁸³ (департамент Ньевр) многие коммуны решили не делить общинные угодья, к которым самоуправно присоединили и многие огороженные и обработанные участки частных лиц. Но все эти земли по-прежнему «служат только богатым, потому что богатый имеет много скота и пасет его на этих общинных землях, хотя в случае раздела имел бы право всего на 1—2 делянки, в то время как бедняк, имеющий многочисленную семью и поэтому значительно большие права при разделе, почти не пользуется общинными землями, так как не может содержать много скота»⁸⁴. Жители коммуны Вильдё (департамент Ду) жаловались в плювиозе II года «на неисполнение закона относительно раздела общинных земель»; причина все та же — «богатые в этой коммуне, как кажется, объединились, чтобы лишить бедняков их истинных прав»⁸⁵. Таков же смысл и петиции «санкюотов-батраков, виноградарей и других земледельцев» из четырех деревень Жиронды (22 прериля II года — 10 июня 1794 г.): они воздают хвалу закону 10 июня, негодуют на то, что он не применяется — «эгоисты, крупные собственники и все буржуа являются самыми решительными врагами закона 10 июня... Поэтому могущество феодалов не может быть обуздано, поэтому угнетается только бедный санкюлот»; эти богачи держат в своих руках общинные земли и поэтому срывают раздел⁸⁶. В коммуне Сент-Альбан (департамент Лозер) такое столкновение кончилось тем, что богачи, захватчики общинных земель, оклеветали и засадили в тюрьму члена наблюдательного комитета деревни, которому жители поручили хлопоты по проведению в жизнь закона. Он сам заявил на допросе, что донесшие на него «завладели большой частью общинных имуществ», хотят «воспрепятствовать их разделу»,

⁸² AN. F¹⁰.333^b.

⁸³ Революционное наименование города Сен-Пьер-ле-Мутье.

⁸⁴ AN.D.III.181. Письмо национального агента дистрикта в Комитет общественного спасения от 29 мессидора II года (16 июля 1794 г.).

⁸⁵ AN. F¹⁰.333^b. Письмо директории департамента министру внутренних дел от 8 плювиоза II года (27 января 1794 г.).

⁸⁶ Обширные владения общинны находятся в руках этих «собственников-эгоистов». Петиция просит Конвент отменить 4-ю статью I раздела закона 10 июня, которая сохраняла за нынешними владельцами земли, расчищенные на основании эдиктов 1764 и 1773 гг. (См. A. S o b o u l. Sans-culottes des campagnes et bourgeoisie rurale.—«Annales historiques de la Révolution française», 1957, N 147, p. 167—168).

а один из них заявил, что «скорее даст вырвать у себя ногти, чем эту часть общинной земли, которую он захватил»⁸⁷.

Другие петиции отражают борьбу в связи со способом раздела земель. В коммуне Вильнев (дистрикт Арбуа, департамент Юра) имелся только общинный лес, но «некоторые частные лица хотят его поделить пропорционально платимой каждым сумме поземельного налога, так как они имеют в собственности и в аренде много земли»; между тем «жители в своем большинстве... бедны и платят мало, а другие и совсем не платят поземельного налога», они хотят поголовного раздела, согласно закону, «чтобы бедняки этой коммуны могли воспользоваться общинными привилегиями»⁸⁸. Тот же конфликт возник в коммуне Сези (департамент Ионна): муниципалитет отказался выдать свидетельство о благонадежности местному нотариусу; причина — его протест «против незаконного предложения членов муниципалитета, которые, будучи все крупными собственниками, хотели поделить (общинные выпасы.— А. А.) пропорционально сумме платимого каждым поземельного налога»⁸⁹. В дистрикте Мюр-де-Баррес (департамент Авейрон), где к вантозу III года декрет о разделе почти не нашел применения, это было связано отчасти с природой земель — их бесплодностью. Но были и другие причины: во-первых, жители, являвшиеся собственниками, хотели сохранить эти земли в качестве дополнения к своему хозяйству; во-вторых, некоторые коммуны не прочь были поделить, но они требовали раздела не поголовного, а по хозяйствам; такой порядок, как резонно заметил национальный агент дистрикта, «лишил бы крестьян — съемщиков и батраков — предоставленного им законом права»⁹⁰.

Кое-где пытались ущемить многосемейных бедняков иным путем, например, предоставляя делянки без учета детей, родившихся после принятия законов о разделе⁹¹. Много споров возникало в связи с правами арендаторов и издольщиков; многие из них имели домишко с клочком земли в одних деревнях, но вели хозяйство на землях, арендованных в других коммунах. В результате и здесь, и там пытались устраниć их от участия в разделе, ссылаясь на то, что они не являются местными жителями. Арендаторы и половники протестовали, в дистрикте Морьян (департамент Канталь) некоторые из них были вынуждены согласиться на получение половинных делянок⁹².

Безусловно, мы смогли лишь очень приблизительно наметить некоторые характерные черты борьбы, развернувшейся в связи с исполнением закона 10 июня 1793 г. Но сам факт наличия этой борьбы, которая еще должна быть детально изучена, не вызывает сомнений. Закон о разделе отвечал интересам сельских «низов», но, добиваясь его точного проведения в жизнь, они сразу же натолкнулись не только на трудности объективного порядка, но и на противодействие тех самых зажиточных слоев крестьянства, которые с самого начала препятствовали демократическо-

⁸⁷ AN.F⁷ 3681¹⁴. Протокол допроса Огюстена Кюкальвэ в трибунале дистрикта Сен-Шели от 10 мессидора II года (28 июня 1794 г.).

⁸⁸ AN.F¹⁰ 333. Петиция из коммуны Вильнев от 1 ноября 1793 г.

⁸⁹ Ch. Р о г é e. Sources manuscrites de l'histoire de la Révolution dans l'Yonne, N 428, p. 187 (жалоба нотариуса от термидора II года.).

⁹⁰ AN.D.III.27. Dossier 34. Из письма национального агента дистрикта Комитету общественного спасения от 20 вантоза II года (10 февраля 1794 г.).

⁹¹ См., например, петиции из коммун Лэр (департамент Сона-и-Луара) от 19 прерияля II года (7 июня 1794 г.) и Монсо-сюр-Ионн (департамент Ньевр) от 8 флореяля II года (27 апреля 1794 г.). AN.D.III.226. Dossier 35; D.III.180.

⁹² См. запросы, посланные в Законодательный комитет заместителем национального агента дистрикта Кламси (департамент Ньевр) и администрацией дистрикта Морьян (департамент Канталь) 29 прерияля и 29 мессидора II года, петиции из коммун Салер и Тивье от 17 прерияля и 1 мессидора II года (департамент Канталь). AN.D.III.178, D.III.39. Dossiers 20, 35, 37.

му разделу общинных земель. Чтобы сломить их сопротивление, беднота нуждалась в крепкой поддержке извне. До 9 термидора она, в общем, находила ее со стороны революционной власти.

Надо учесть, что закон 10 июня был одной из тех законодательных мер, в которых отразились уравнительные устремления влиятельной части якобинцев и их многочисленных сторонников на местах. Идеями и настроениями эгалитаризма, иногда более, иногда менее последовательного, была пронизана вся общественная атмосфера периода якобинской диктатуры. Они звучали теперь не только в демократической публицистике, но и с трибуны Конвента, в официальных речах политических деятелей, в речах и прокламациях командированных в провинцию депутатов Конвента⁹³, нередко в заявлениях местных властей. В качестве одной из спасительных уравнительных мер нередко упоминался и закон 10 июня. Так, обращаясь 6 брюмера II года к «добрым земледельцам, мирным обитателям деревень», власти департамента Пюи-де-Дом писали: «Раздел общинных земель, равное разделение наследств между детьми, продажа мелкими участками эмигрантских земель, прогрессивный налог, принудительный заем... все это искоренит на нашей земле богачей..., наглость которых еще более невыносима, чем заносчивость дворян и священников»⁹⁴.

В этой связи ясно, что в той борьбе, которая развернулась вокруг проявления в жизнь закона 10 июня, руководящая группа монтаньяров и поддерживающие ее местные власти должны были быть на стороне тех малоимущих и неимущих крестьян, которые добивались раздела. Во всяком случае различные органы Конвента прилагали усилия к тому, чтобы закон исполнялся. Сам Комитет общественного спасения за множеством дел не упускал из вида и этого вопроса; в специальных циркулярах он напоминал о нем местным властям⁹⁵. Не был в стороне и Комитет общественной безопасности; рассылая в дистрикты запросы о выполнении важнейших законов, он не забыл закона о разделе общинных земель — вопрос 11-й требовал от администрации дистриктов отчета о ходе его исполнения. Наконец, разделом общинных земель пристально интересовалась Продовольственная комиссия Конвента⁹⁶. Во II году она начала большое обследование, как исполняется закон 10 июня 1793 г., и разослала циркуляры по дистриктам⁹⁷. К сожалению, вся обширная переписка, связанная с этими усилиями якобинцев добиться наделения крестьян землей за счет общинного фонда, совершенно не изучена (а отчасти и просто не

⁹³ Донос на народного представителя Бори, сделанный после термидора, дает нам пример такой пропаганды: его обвиняют во многих грехах, в частности, в том, что он выдвигал в народных обществах «отвратительную идею раздела, порожденную Маратом, заявляя, что Конвент решил уравнять все состояния в республике». (AN.D.III. 86. Петиция граждан коммуны Сен-Жан-дю-Гар департамента Гар от 9 флореяля III года). См. также характерные заявления членов Конвента Лекипио и Дегруа в книге А. Р. Иоаниса. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966, стр. 364—365.

⁹⁴ G. Bonnefond. Histoire de l'administration civile dans la province d'Auvergne et le département de Puy-de-Dôme, t. 2. Paris 1900, p. 129—132.

⁹⁵ В циркуляре сельским коммунам от 14 флуореяля II года (3 мая 1794 г.) говорилось: «Граждане, Национальный конвент, желая приобщить всех французов к благам республиканского образа правления, желая, чтобы никто не был чужим на земле, которая дала ему жизнь, чтобы каждый мог обладать собственностью, издал для достижения этой цели различные декреты и, в частности, декрет 10 июня 1793 г., предписывающий поголовный раздел общинных земель...». Циркуляр предписывал читать декрет ежедневно на собраниях граждан и вывесить его текст всюду, где это целесообразно («Recueil des actes de Comité du Salut public», t. 13. Paris, 1900, p. 243—244).

⁹⁶ «La Commission des subsistances de l'An II». Procès-verbaux et actes. Publ. par P. Caron. Paris, 1924, p. 60, 153, 157, 312, 762.

⁹⁷ Ответы дистриктов на эту анкету, несомненно, имеющиеся в бумагах продовольственной комиссии, могут послужить превосходным источником для изучения истории раздела общинных земель во II—III годах республики.

разыскана в массе архивных залежей)⁹⁸. Поэтому трудно судить о ее результатах, но во всяком случае она говорит об искреннем стремлении добиться реального проведения в жизнь закона, подсказанныго требованиями неимущих и малоимущих слоев крестьянства.

* * *

Таким образом, принятие законов 17 июля и 10—11 июня 1793 г. само по себе еще не решало автоматически всех жгучих вопросов, связанных с полной ликвидацией феодальных повинностей, с восстановлением общинного земельного фонда и его демократическим разделом. Вокруг проведения в жизнь этих законов, задевавших интересы не только бывших сенюоров и государственной казны, но и влиятельных слоев старой буржуазии и даже (что касается раздела общинных земель «по закону равенства») крестьянских верхов, немедленно развернулась борьба. Точное исполнение законов натолкнулось на попытки прямого и косвенного противодействия. До 9 термидора эта противоборствующая тенденция лишь начала оформляться и имела против себя твердую позицию крестьянской демократии и революционной власти.

В дальнейшем положение начало круто меняться. Контрреволюционная крупная буржуазия перешла в контратаку, крестьянская демократия оказалась в положении упорной, но неминуемо ослабевшей обороны. Уже в термидорианском Конвенте была предпринята первая прямая атака на закон 10 июня 1793 г.⁹⁹ При Директории и Консульстве развернулось наступление также и на закон о ликвидации феодальных повинностей. Эта реакция на два основных аграрных закона, принятых летом 1793 г., не осталась безрезультатной. К 1796—1797 гг. рядом постановлений были фактически сведены на нет статьи закона от 10 июня, дававшие возможность раздела общинных земель. Закон 17 июля устоял, но в результате ограничительной практики его применения администрацией и

⁹⁸ Наши сведения основаны на обнаруженных в разных фондах фрагментах этой переписки (выше мы неоднократно ссылались на эти документы). См., в частности, ответ администрации департамента Ардеш на письмо Комитета общественного спасения от 9 вантуза II года (AN.D.III.14); ответы дистриктов Лодева и Монпелье (департамент Эро) Комитету общественной безопасности от 28 нивоза и 6 плювиоза II года (AN.F.73678¹⁻²); ответ администрации департамента Кот-д'Ор Продовольственной комиссии Конвента от 1 плювиоза II года (AN.F¹⁰.333^b); решение директории департамента Кальвадос в связи с письмом Продовольственной комиссии от 18 плювиоза II года (AN.F¹⁰.333^b).

⁹⁹ 20 термидора III года депутат от департамента Крез Барайон обрушился на этот закон, назвав его «гибельным» и «грабительским». Речь Барайона вызвала резкий протест крестьян одной из деревень департамента Алье, которые в петиции Конвенту от 18 фрюктидора III года пункт за пунктом опровергли его атаку на якобинский закон. Приведем основные мысли этой выразительной петиции, содержание которой подтверждает высказанные нами выше соображения о характере борьбы вокруг раздела общинных земель. «Граждане Представители. Граждане коммуны Сен-Бонне-де-Рошфор, дистрикт Ганна, департамент Алье, узнали, что на вашем заседании... 20 термидора, один из вас представил некоторые соображения о разделе общинных земель; ... Граждане коммуны Сен-Бонне-де-Рошфор увидели, что эти соображения являются ложными, так как они направлены против неимущего класса. Было сказано, что этот закон лишает часть граждан их собственности; но он не отнимает ничего ни у одного гражданина, если это не богач, по-прежнему, как и при старом режиме, жаждущий увеличить свое состояние за счет неимущих; ... если кто и извлекал какой-то доход из этих общинных имуществ, это был богатый, а не неимущий. Без раздела этих земель многие отцы многочисленных семей, принявшие участие в разделе, будучи обременены малолетними детьми, умирали бы с голода со своими семьями, если бы они своим трудом не получали с этих маленьких участков пропитания на часть года, ввиду голода, вызванного богатыми, в руках которых находится все... Изложив все эти соображения, коммуна надеется, что ваш декрет о разделе общинных земель сохранит свою полную силу...» (AN.D.III.10)

судами (процессы тянулись до середины XIX в.) удалось сохранить значительную часть реестр, обусловленных документально доказанной уступкой земли. История этого послетермидорианского наступления на аграрное законодательство якобинцев нуждается в специальном рассмотрении и выходит за рамки настоящей статьи.

Тематически связанные материалы

А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция.

Крестьянское движение в 1789-1794 гг.

Ж.Лефевр. Аграрный вопрос в эпоху Террора (1793-1794)

М.Блок. Характерные черты французской аграрной истории

А.Собуль. Французская сельская община (XVIII-XIX века)

А.Адо. Крестьянские восстания

в начале Французской революции в 1789 г.

А.Коробочки. Из истории социальных движений

во Франции в первой половине XVIII в.

В.Малов. К вопросу о складывании единого хлебного рынка

во Франции в XVIII/XIX веках (Опыт корреляционного анализа)

А.Адо, З.Чеканцева. Движение «вооруженных масок»

(80-е годы XVIII века)

А.Адо. К истории борьбы за проведение в жизнь

аграрного законодательства якобинцев

А.Адо. Муниципальные выборы, первичные собрания

и социальная борьба во французской деревне (1790 г.).

А.Собуль. Крестьянские движения и феодализм

(конец старого порядка середина XIX в.)

К истории петиции, представленной Пьером Доливье

Законодательному собранию 1 мая 1792 г. Публикация А.Адо

К.Женден. Земельная рента во Франции

от конца Старого порядка до Первой империи

Ф.Потемкин. Агрономическая практика и политические позиции

пропагандистов «нового земледелия» во Франции

во второй половине XVIII начале XIX в.

А.Адо. Научное наследие Н.М.Лукина и некоторые проблемы

истории крестьянства во время Великой французской революции

В.Лавровский. Экспроприация английского крестьянства в XVIII в.

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции

в эпоху Великой революции

Н.Чупрун. Сен-Жюст и вантозские декреты

Ж.Жорес. Марат и аграрный вопрос. Марат и пролетарии

(фрагменты из «Социалистической истории

Французской революции», том 3)

Подборки документов

Аграрное законодательство Учредительного Собрания

Аграрное законодательство Законодательного Собрания

Аграрное законодательство монтаньяров